

К. Ю. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКИЙ

ЛЬВОВСКО-ДЕРЖАВИНСКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ КРУЖОК (УЧАСТНИКИ, ХРОНОЛОГИЯ)

Светлой памяти Ханса Роте

В научной литературе широко и не без оснований используется понятие «львовско-державинский кружок» (или же «львовско-державинский литературный кружок»).¹ Термин этот также часто варьируется: одни предпочитают говорить о «львовском кружке»,² «кружке

¹ Боброва Л. Е. К вопросу о месте И. И. Хемницера в львовско-державинском литературном кружке // Сб. статей Барнаульского пед. ин-та. 1958. Вып. 3. С. 332–340; Лаппо-Данилевский К. Ю. Львовско-державинский кружок // Осьмнадцатое столетие. СПб., 2001. Кн. 1: А–М. С. 567–568; Веселова А. Ю. Усадебная жизнь в стихах поэтов львовско-державинского кружка // XVIII век. СПб., 2006. Сб. 24. С. 206–218; Федосеева Т. В. Поэты львовско-державинского кружка о народной песне // Гавриил Державин в зеркале эпох и культур / Под ред. О. О. Несмеловой, А. Н. Пашкурова, А. Ф. Галимуллиной. Казань, 2016. С. 57–64. В данной и последующих сносках приведены названия статей, в которых различные обозначения кружка фигурируют лишь в названиях работ, в силу чего приведенные примеры никоим образом не претендуют на то, чтобы продемонстрировать полноту или же частотность употребления термина; см. также библиографические указания по ходу изложения.

² Западов В. А. «Львовский кружок» и Г. Р. Державин // 22 Герценовские чтения: Филол. науки. Л., 1968. С. 83–85; Сионова С. А. Г. Р. Державин и «львовский кружок» // Творчество Г. Р. Державина: проблемы изучения и преподавания: Материалы Юбилейной международной конференции 14–16 сент. 1993 г. / Отв. ред. Л. Н. Полякова. Тамбов, 1993. С. 85–87; Ларкович Д. В. Г. Р. Державин и художественная культура его

Львова»³ или же о «львовском содружестве»,⁴ другие — о «державинско-львовском кружке»,⁵ «державинском окружении»,⁶ «круге друзей-поэтов»⁷ и проч. При этом границы собственно литературного взаимодействия нередко раздвигаются, в число участников кружка включаются художники и музыканты, он рассматривается как «пристанище художникам всякого рода». ⁸ Эта неустойчивость термина, как и его различное содержательное наполнение, побуждают более подробно рассмотреть в данной статье историю и состав этого творческого объединения, оставляя пока в стороне тему взаимовлияния его участников и воздерживаясь от анализа их эстетических воззрений. Следует отметить, что те из предшественников, кто исследовал собственно литературную проблематику в связи с историей львовско-державинского кружка, опирались главным образом на факты, собранные в свое время Я. К. Гротом и опубликованные в подготовленных им «Сочинениях Державина». К их восьмому тому, содержащему монографию Грота «Жизнь Державина», имеет смысл обратиться здесь.⁹ Оговорюсь, что Грот термина «львовско-державинский кружок» не употреблял, говоря просто о кружке или литературном кружке.¹⁰

В главе третьей своей книги «Поэтическое перерождение. Литературные связи» (название говорит само за себя), опираясь на известное

времени: формирование индивидуального авторского сознания: монография. Екатеринбург, 2011. С. 13–14.

³ Шумейко Ю. Е. Кружок Львова (малоизвестная страница русской культуры XVIII в.) // *Анналы: Научно-публицистический альманах*. Донецк, 1990. Вып. 1. С. 24–30; Глумов А. Н. Н. А. Львов. М., 1980. С. 5, 32 и далее. Ср. примеч. 8.

⁴ Тимофеев Л. В. В кругу друзей и муз: дом А. Н. Оленина. Л., 1983. С. 22–29 (глава «Львовское содружество»).

⁵ Bennett S. S. The Derzhavin-L'vov Circle: A Literary Society in Eighteenth-Century Russia. Berlin, 2011.

⁶ Китина А. Д. Литературное окружение Державина // *Известия Воронежского пед. ин-та*. 1948. Т. 10. Вып. 3. С. 29–47.

⁷ Серман И. З. Державин в кругу друзей-поэтов // *Гаврила Державин, 1743–1816 / Под ред. Е. Эткинда и С. Ельницкой*. Нортфилд, 1995. С. 318–329.

⁸ Ропайская Л. «Пристанище художникам всякого рода». О кружке Н. А. Львова // *Советская музыка*. 1980. № 2. С. 94–100.

⁹ [Державин Г. Р.] Сочинения Державина / С объяснит. примеч. Я. Грота. СПб., 1864–1883. Т. 1–9. Ссылки на данное издание даются далее в тексте статьи с указанием тома римской цифрой, а страниц — арабской.

¹⁰ Не употребляет этого термина и Г. А. Гуковский, ведя речь о «блестящем кружке», который составили четыре поэта (см.: *Гуковский Г. А. Русская поэзия XVIII века*. Л., 1927. С. 197).

автобиографическое признание Державина (о нем подробнее далее), Грот указывает, что 1779 г. стал переломным для творчества поэта в связи с произошедшим обсуждением оды «Успокоенное неверие», в котором приняли участие Львов, Хемницер и Капнист.¹¹ Не имея возможности точно указать время знакомства Державина с этими литераторами, Грот подчеркивает, что тот «попал в литературный кружок, который и по положению в свете, и по образованию принадлежавших к нему писателей имел право считаться избранным» (VIII: 186). В связи с имеющимся в «Объяснениях на сочинения Державина» указанием на то, что обсуждение оды «Успокоенное неверие» произошло в доме А. С. Хвостова при его активном участии (III: 598), Грот справедливо замечает, что этот литератор в дальнейшей жизни кружка участия не принимал, вскоре рассорившись с Львовым и Хемницером. Указав ряд отправных точек и сосредоточившись в монографии на фигуре Державина, Грот не прослеживает истории кружка, не пытается проанализировать изменения в его составе и охарактеризовать важнейшие совместные предприятия его участников как предприятия кружковые. Именно этой задаче посвящена настоящая статья.

Состав львовско-державинского кружка

Малая удовлетворительность сделанных до сих пор наблюдений о составе и времени формирования львовско-державинского литературного кружка коренится, на мой взгляд, в двух обстоятельствах: в скудости информации о контактах его участников в 1770-е гг. и в том, что

¹¹ Здесь не обойти вниманием беллетризованную биографию Державина, написанную Ходасевичем. Опираясь по большей части на фактические данные Грота, Ходасевич кое-что примысливает: так, он пишет о безответной любви Хемницера к М. А. Дьяковой, невесте Н. А. Львова. Историю эту повторяют в своих книгах столь известные биографы Львова, как А. Н. Глумов и Н. И. Никулина, хотя она и рассыпается в прах при сопоставлении с фактами. В результате центром кружка оказываются две семейных пары, Державины и Капнисты, о которых в галантной манере сообщается: «Две молодые четы коротко сблизились, и это повело к тому, что вскоре вокруг Державиных образовался целый кружок» (см.: *Ходасевич В. Ф.* Державин. Париж, 1931. С. 105). Т. е. к ним присоединились Львов, его невеста и Хемницер: «Семеро друзей сходилось часто. Три прелестные женщины и четыре поэта связаны были любовью, дружбой, беседами об искусствах. Екатерина Яковлевна рисовала силуэты или занималась рукоделием» (Там же. С. 106).

вопрос об истории этого творческого объединения в значительной мере подменялся суждениями о первых возможных знакомствах литераторов, входивших в него. При этом не подлежит сомнению, что наиболее ранние творческие контакты связали Львова с Хемницером.¹² Убедительное тому свидетельство — акrostих-посвящение Львову (по вертикали левого края читается: «Николаи Лвов»). Он открывает перевод «Письма Барнвеля к Труману из темницы» К.-Ж. Дора,¹³ опубликованный Хемницером в Петербурге в 1774 г. Отмечая «нелестную дружбу», связавшую его со Львовым, Хемницер подчеркивает в акrostихе литературную искушенность своего друга («знание правое») и просит о критической оценке предпринятого труда. В этом комплиментарном тексте запечатлено именно то, что неизменно подчеркивалось апологетами Львова и что столь ценилось в нем друзьями: качества знатока, критика, ценителя, вдохновителя.¹⁴

Сближение Капниста с Львовым и Хемницером и установление между ними тесных творческих отношений происходит, по всей видимости, позже, чем полагало большинство предшественников, — а именно в первой половине 1778 г. На эту мысль наводят следующие обстоятельства: Капнист вышел в отставку 10 июля 1775 г., покинув лейб-гвардии Преображенский полк в звании подпоручика гвардии «за болезнию», и с той поры хотя и жил в Петербурге, но и часто отлучался из северной столицы. Хемницер с сентября 1776 по октябрь 1777 г. находился за границей, сопровождая М. Ф. Соймонова в поездке

¹² Литературные интересы способствовали теснейшим творческим контактам двух поэтов, неизменно обсуждавшим в последующие годы произведения друг друга. Ср., например, перевод оды Сапфо, набросанный 23 марта 1778 г. Львовым и переделанный им 26 марта с учетом правки Хемницера (ИРЛИ, № 16470. Л. 38–39). С формированием львовско-державинского кружка в этих практиках начинают принимать участие и другие его члены.

¹³ Дора К.-Ж. Письмо Барнвеля к Труману из темницы: героид / Перевел с французского Иван Хемницер. СПб., 1774. С. 5.

¹⁴ В более раннем акrostихе Н. П. Осипова, озаглавленном «Соннет» (1771; по вертикали читается: «Николаю Лвову»), говорится о тех же качествах (см.: Кокорев А. В. «Труды разумных общников» (рукописный журнал Н. А. Львова и др.) // Учен. зап. Моск. обл. пед. ин-та им. Н. К. Крупской. 1960. Т. 86. Вып. 7. С. 7). Стоит отметить, что хотя Львов во время своего обучения в кадетской роте лейб-гвардии Измайловского полка стал инициатором возникновения литературного кружка, издававшего журнал «Труды разумных общников» в марте-июле 1771 г., преемственности между этим объединением и львовско-державинским кружком не было.

по Западной Европе; с октября 1776 по май 1777 г. Львов также долго отсутствовал в Петербурге, совершая курьерскую поездку в Лондон, Мадрид и Париж от Коллегии иностранных дел. Все это делает маловероятными их более ранние интенсивные контакты с Капнистом. Косвенным доводом в пользу того, что близкие творческие контакты Львова и Хемницера с Капнистом установились уже в 1778 г., нужно признать указания в письмах М. Н. Муравьева отцу о его знакомстве с Капнистом через Львова в начале июля 1778 г.¹⁵ Либо во второй половине 1778 г., либо даже в начале следующего 1779 г. к Львову, Хемницеру и Капнисту примкнул А. С. Хвостов, вскоре написавший вполне дружеское шуточное послание «Три портрета», обращенное к ним (текст его не сохранился). Эпиграмма Львова «Краской каждого своею...»,¹⁶ сочиненная в ответ на послание Хвостова, датирована 10 февраля 1779 г., тем же днем помечен и его экспромт Капнисту «Ты, Капнист, меня просил...».¹⁷ Оба стихотворения находятся в львовской «Путевой тетради № 1».¹⁸ Временем возникновения львовско-державинского кружка следует признать весну 1779 г. по двум причинам.

Во-первых, именно тогда, с вступлением в кружок Державина, завершилось формирование его состава. Об этом имеется недвусмысленное заявление самого поэта в автобиографической записке «Нечто о Державине» (1805). В полном виде она была опубликована Е. Н. Кононко в 1972 г., и стоит пожалеть, что это важнейшее признание обычно цитируется в неточной передаче Я. К. Грота (VI, 443). Приведу его так, как оно звучит у автора:

¹⁵ Цитаты из этих писем см. далее в примеч. 50.

¹⁶ *Львов Н. А.* Избранные сочинения / Предисл. Д. С. Лихачева; вступ. ст., сост., подгот. текста и коммент. К. Ю. Лаппо-Данилевского; перечень архитектурных работ Н. А. Львова подгот. А. В. Татариновым. Кёльн; Веймар; Вена; СПб., 1994. С. 91. Далее издание цитируется в тексте как ИС с указанием номера страницы.

¹⁷ В искаженном виде эпиграмма была сообщена по памяти А. П. Кожевниковым Я. К. Гроту, опубликовавшему ее: III, 414 (ср.: ИС, 96). Об этом стихотворном диалоге Гроту неоднократно повествовал и Д. Н. Блудов, но мог вспомнить лишь последнюю львовскую строку (III, 414).

¹⁸ РО ИРЛИ. № 16470. Л. 42, 60 об. (ИС 91, 96). Ср. также французские стихи «Pour mettre au bas d'un bouquet dessiné qui represente une Rose peinte avec une fleur nommée „n'oublie donc pas“» (*пер.*: Чтобы поместить внизу рисованного букета, который изображает раскрашенную розу с цветком, называемым «незабудка») в той же тетради на л. 79 с подписью «В. К.», свидетельствующей об авторстве Капниста.

<...> но из всех сих произведений своих [т. е. написанных до 1779 г. — К. Л.-Д.] автор не одобряет, потому, как выше явствует, что он хотел подражать г-ну Ломоносову, но как талант его не был с ним внушаем одинаковым Гением, то, хотев парить, не мог выдерживать постоянно красивым набором слов собственного единственно российскому Пиндару велелепия и пышности. А для того с 1779 г. избрал он совсем особой путь, будучи предводим наставлениями г-на Бате и советами друзей своих, а после по жене и родственников — Николая Александровича Львова, Василья Васильевича Капниста и Ивана Ивановича Хемницера, подражая наиболее Горацию. Но как он и на них не уверялся, то от себя ничего в свет не издавал, а мало-помалу под неизвестным именем посылал в периодические издания «Санкт-Петербургского вестника», которого издатель г-н Брайко, печатая, сообщал ему известия, что публика творения его одобряет.¹⁹

Ода «Успокоенное неверие» стала первым совместно обсужденным стихотворением Державина;²⁰ вскоре она появилась без подписи в июньской книжке «Академических известий» за 1779 г.²¹ Следовательно, сближение литераторов произошло, скорее всего, весной того же года. Поражает высокая степень неуверенности Державина в своем таланте, который даже после одобрения друзьями его стихов не публиковал их под собственным именем. Заслуга посредничества между поэтом и редакцией «Санкт-Петербургского вестника», думается, принадлежала в первую очередь Львову, знавшему Брайко по Коллегии иностранных дел, а Княжнина по домашнему театру в доме своего родственника П. В. Бакунина Меньшого; он же, думается, доставлял Державину ободряющие «известия» от редакторов журнала об успехе у публики и всячески содействовал известности дарования Державина в литературных кругах.

¹⁹ Кононко Е. Н. Рукописи Г. Р. Державина в Центральной научной библиотеке УССР // Русская литература. 1972. № 3. С. 84. Еще Я. К. Грот отметил ошибку памяти Державина — ода «Успокоенное неверие» была напечатана в «Академических известиях» (см. примеч. 20). Эта aberrация весьма показательна, ибо именно с «Санкт-Петербургским вестником» участники кружка исключительно тесно сотрудничали в 1779 и 1780 гг.

²⁰ Факт дружеского обсуждения этого стихотворения отмечен Державиным в пояснениях к собственным стихам (IX, 233; III, 598; ср. анализ Гротом этих комментариев поэта: I, 69–70).

²¹ [Державин Г. Р.] Успокоенное неверие // Академические известия. 1779. Ч. 2. Июнь. С. 182–186 (без подп.). На четыре месяца раньше здесь же была анонимно опубликована державинская «Песнь Екатерине Великой» («Увеселяя всюды взоры...») (Там же. 1779. Ч. 1. Февр. С. 174–176).

Второй причиной, почему именно 1779 г. следует принять точкой отсчета, является то, что этот год отмечен первыми коллективными выступлениями участников кружка. Хотя «Басни и сказки» Хемницера, готовились, по всей видимости, еще до присоединения к кружку Державина, включение в книгу в разделе «Чужие басни» двух произведений Львова подчеркивало как раз кружковый характер предприятия. О том же свидетельствует и эпиграмма на выход книги («По языку и мыслям я узнала...»), написанная Львовым от лица его будущей жены М. А. Дьяковой на посвященную ей книгу Хемницера (об этом подробнее далее). Помимо упомянутой выше публикации совместно обсужденной оды Державина «Успокоенное неверие» в «Академических известиях», следует отметить активное участие всех четырех поэтов в 1779–1781 гг. в «Санкт-Петербургском вестнике».

Этому журналу, издававшемуся Г. Л. Брайко при ближайшем участии В. Ф. Арндта и Я. Б. Княжнина,²² следует уделить здесь некоторое внимание с точки зрения литературных приоритетов, в нем отразившихся, ибо этот печатный орган сыграл исключительно важную роль в формировании львовско-державинского кружка, став первой трибуной его участников. Весьма показательно, что в первом номере журнала во «Фрагментах, или Мыслях, взятых из разных авторов (вместо предисловия)»,²³ следовавших непосредственно за предуведомлением издателей, Сумароков цитировался наряду с такими авторами, как Ф. Д. Туссен-Лувертюр, Э. Юнг, папа римский Климент XIV, Т. Тассо и К. М. Виланд.

Еще бо́льшую приверженность сумароковским традициям в литературе демонстрировала апологетическая «Сокращенная повесть о жизни

²² Вопрос об издателях журнала был окончательно прояснен в статье: Мартынов И. Ф. Журналист, историк и дипломат XVIII в. Г. Л. Брайко // XVIII век. Л., 1977. Сб. 12. С. 230–236. Исследователь опирается на обнаруженное им письмо Б. Ф. Арндта к Г.-Ф. Миллеру от 9 октября 1778 г., в котором тот просит принять Брайко в члены Вольного Российского собрания при Московском университете и сообщает, что Г. Л. Брайко был главным редактором «Санкт-Петербургского вестника», а также что его ближайшими сотрудниками при этом были Я. Б. Княжнин и сам Арндт (СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 3. Ед. хр. 6. Л. 23–24. Ср.: Глинка С. Н. Записки. СПб., 1895. С. 79). Также и М. Н. Муравьев «безоговорочно» называет Княжнина одним из издателей «Санкт-Петербургского вестника» в письмах родным (см.: Кулакова Л. И. Новиков в письмах Муравьева // XVIII век. Л., 1976. Сб. 11. С. 20).

²³ Санкт-Петербургский вестник. 1778. Ч. 1. Янв. С. 9–15. Далее ссылки на этот журнал даются после аббревиатуры «СВ».

и писаниях господина статского советника и Святыя Анны кавалера Александра Петровича Сумарокова», анонимно напечатанная в том же первом номере журнала (СВ. 1778. Ч. 1. Янв. С. 39–49; без подп.). Ее автором, по моему убеждению, следует признать Я. Б. Княжнина, зятя незадолго до того времени скончавшегося Сумарокова, ибо этот текст обнаруживает прекрасное знание биографии литературного патриарха и взвешенное, дифференцированное мнение о его творчестве. Статья открывается весьма пристрастным и противоречащим фактам утверждением о хронологических приоритетах Сумарокова в лирической поэзии нового типа: «Сей муж, прославившийся и сделавший честь своему отечеству своими бессмертными стихотворениями, открыл еще прежде славного господина Ломоносова истинный путь к российскому Парнасу и показал примеры в разных родах стихотворства» (Там же. С. 39). В то же время для анонимного автора «Сокращенной повести» Сумароков в первую очередь «основатель российского театра», в этой области его заслуги более велики, чем, к примеру, Корнеля во Франции, «почитаемый ибо Корнелий исправил и возвысил своими прекрасными произведениями французские позорища, а г. Сумароков создал и, не имея предшественников, дал вдруг восчувствовать сие наиблистательнейшее и трудное творение разума человеческого, чем Древняя Греция и ныне Франция славятся и в чем Древний Рим великих успехов не имел» (Там же. С. 39–40). Отмечая ученичество Сумарокова у Расина, автор статьи все же вынужден отметить, что слог русского драматурга, хотя и «возвышающийся часто до красоты французского Еврипида», не всегда ровен, что «извинить должно в таком писателе, который первый у нас проложил сей тяжкий путь». Лучшими трагедиями названы «Семира», «Синав и Трувор», «Хорев» и «Димитрий Самозванец»; менее удавшимися объявляются комедии Сумарокова.

В ряде жанров автор статьи отдает пальму первенства Ломоносову: «Оды его торжественные и духовные были бы лучшие, если бы од не писал г. Ломоносов; как и трагедии г. Ломоносова были бы у нас в числе изрядных, если бы г. Сумароков своих не издавал, но оба сии великие мужи были на то произведены, дабы один открыл все великолепие, силу и величие, а другой все приятства, нежности и сладость нашего прекрасного языка» (Там же. С. 41). Элегии, эклоги, сатиры и басни Сумарокова объявляются лучшими в этих жанрах на русском языке, прозаические сочинения — написанными «чистым, внятным и блистательным слогом». В заключение говорится о необходимости

подготовки собрания сочинений Сумарокова с примечаниями, которые отражали бы авторскую их правку, ибо имеются «во оных перемены, которые не всегда удачны».

Ряд положений этого общего мнения о художественном наследии Сумарокова, выраженного во вводной части «Сокращенной повести», варьируется в ее основной части, — биографической. При этом автор статьи обнаруживает знание деталей, которыми мог обладать лишь тот, кто принадлежал к ближайшему родственному кругу умершего писателя — например, о том, что отец поэта Петр Панкратьевич, помимо родного языка, «основательно» знал латинский, какова была девичья фамилия его матери и проч. В то же время он прекрасно осведомлен и о судьбе драматических произведений Сумарокова: обязательно отмечается, какая из пьес была «играна», какая «не напечатана, а играна» и проч., т. е. автор статьи — театрал, присутствовавший на многих постановках, с особым интересом следивший за судьбой произведений Сумарокова на сцене. Все эти соображения позволяют предполагать, что автором «Сокращенной повести» был именно Княжнин, что побуждает меня вкратце охарактеризовать его произведения, напечатанные в «Санкт-Петербургском вестнике». Отмечу, что появлялись они в журнале по большей части анонимно и что ряд из них, вполне возможно, до сих пор не идентифицирован.

Наиболее активным было участие Княжниного в «Санкт-Петербургском вестнике» в первый год его существования, когда здесь были опубликованы: его сказка в стихах «Флор и Лиза» (СВ. 1778. Ч. 1. Февр. С. 110–116; подп.: Я. К**); письмо к издателям журнала с просьбой напечатать «приписание», обращенное к С. Г. Домашневу, и само это стихотворение, являющееся посвящением сановнику княжнинского перевода «Генриады» Вольтера (Там же. Февр. 174–175; без подп.),²⁴ прозаический перевод идиллий С. Геснера «Палемон» (Там же. Апр. С. 267–271; подп.: Я. К.) и «Весна» (Там же. Май. С. 357–361; подп.: Я. К.), перевод отрывка из «Путешествия в Испанию» П.-О.-К. Бомарше (Там же. 1778. Ч. 2. Июль-Авг. С. 3–26; 83–108; после второй части подп.: Я. К.), притча «Рыбак» (Там же. Окт. С. 272–275; без подп.). По предположению Л. И. Кулаковой и В. А. Западова, Княжниным, воз-

²⁴ Это стихотворное посвящение почему-то в книгу не вошло: Генриада: Героическая поэма в десяти песнях / Сочинение г. Волтера; преложенная российскими белыми стихами капитаном Яковом Княжниным. СПб., 1777.

можно, были переведены четыре анекдота (Там же. Сент. С. 206–208; без подп.), второй из которых положен в основу его стихотворной сказки «Судья и вор», опубликованной много позднее. После длительного перерыва Княжнин напечатал «Стансы Богу» (Там же. 1780. Ч. 6. Авг. 83–86; без подп.). Нужно иметь в виду, что присутствие его произведений на страницах не исчерпывалось этими публикациями, ибо в «Санкт-Петербургском вестнике» велся отдел рецензий, в заключение которых обычно приводились довольно обширные цитаты из рассматриваемых книжных новинок, чтобы читатель мог составить свое мнение о них по этим образцам. Так было и в рецензиях на переводы Княжниной: «Генриады» Вольтера — белыми стихами (Там же. 1778. Ч. 2. Май. 396–400; подп.: В) и прозаический — поэмы «Избиение младенцев» Джамбаттисты Марино (Там же. 1779. Ч. 4. Ноябрь. 377–381; без подп.). И наконец, нельзя не отметить, что уже во втором номере «Санкт-Петербургского вестника» Е. А. Княжнина, дочь А. П. Сумарокова, опубликовала любовную элегию «Коль должно быть тому, чтоб я тебя узнала...» (СВ. 1778. Ч. 1. Май. С. 376; подп.: К***а. К**а).

«Санкт-Петербургский вестник», по-видимому, быстро обрел известность в литературных кругах столицы, и молодые писатели стали стремиться опубликовать в нем свои произведения. Из поэтов, важных для настоящего сюжета, первым отправил в журнал свои стихотворения М. Н. Муравьев. Три из них вышли в свет уже в февральском номере «Санкт-Петербургского вестника»²⁵ в сопровождении письма, в котором Муравьев позиционировал себя как начинающий литератор, «осмеливающийся сообщить» «безделицы», напечатание которых «исполнит тщеславие молодого человека» (СВ. 1778. Ч. 1. Февр. С. 175; без подп.). От имени издателей Муравьеву ответил, видимо, Г. Л. Брайко; он поблагодарил «неизвестного автора» «за сообщение его изрядных стихотворений» и пояснил, что были отобраны для публикации «лучшие и исправнейшие других». Не без некоторого менторства он пояснил, что перевод оды XXXVIII Горация отклонен, ибо во второй строфе

²⁵ [Муравьев М. Н.] I. Триолет (перевод с французского) («Мая первого числа...»); II. «Любовник прелести, где я ее найду...»; III. «Ириса! ты в слезах, стыдясь того лишиться...» // СВ. 1778. Ч. 1. Февр. С. 175–176 (без подп.). Триолет является переводом из Жака Раншена, что впервые, было отмечено Р. Лауэром (см.: *Lauer R. Gedichtform zwischen Schema und Verfall. Sonett, Rondeau, Madrigal, Ballade, Stanze und Triolett in der russischen Literatur des 18. Jahrhunderts. München, 1975. S. 372–373*).

утрачен смысл подлинника (Там же. С. 175; без подп.).²⁶ В ноябрьском номере «Санкт-Петербургского вестника» появилось еще одно письмо Муравьева от 30 октября 1778 г., в котором он рекомендовал издателям еще две «безделки», утверждая, что они не способны «произвести и подозрения гордости (СВ. 1778. Ч. 2. Нояб. С. 402). Этими «безделками» были «Три первые строфы Сафовой оды» и «Желание зимы» (Там же. С. 403–405; без подп.).

Дебют Державина в «Санкт-Петербургском вестнике» состоялся в июньском номере 1778 г.; здесь была напечатана его первая «Песнь Петру Великому» («Россия в славу облеченна...») (СВ. 1778. Ч. 1. Июнь. С. 485–488; без подп.). Вторая «Песнь Петру Великому» («Хотя смерть косу поднимает...») появилась в следующем номере (Там же. Июль. С. 30–31; позже получила название «Монумент Петра Великого»). Обе «песни» были написаны в 1777 г., когда в Петербурге шла работа по изготовлению Медного всадника. Через полгода в журнале было помещено пятнадцать надписей Державина (значительная их часть была сочинена за несколько лет до этого),²⁷ а также написанная в ноябре 1778 г. «Песенка отсутствующего мужа» (СВ. 1779. Ч. 3. Февр. С. 108–114; без подп.; позднее под названием «Препятствие к свиданию с супругою»).

Обильное присутствие поэтических произведений Державина в «Санкт-Петербургском вестнике» бросается в глаза начиная с августа 1779 г. (т. е. как раз вскоре после возникновения львовско-державинского кружка). Это: «Эпистола Его Высокопревосходительству Ивану

²⁶ По-видимому, Муравьев согласился с суровым отзывом, почему и не печатал этот перевод. Речь идет о стихотворении, начинающемся со строки «Убранство пышное меня не привлекает...» (Гораций; Кн. 1; Ода 38). Оно недавно было опубликовано: *Ивинский А. Д.* М. Н. Муравьев и античные поэты: неопубликованные переводы // *Studia Litterarum*. 2021. Т. 6. № 2. С. 371.

²⁷ [Державин Г. Р.] Собрание разных надписей: 1) На изображение Петра Великого; 2) На статую его; 3) На гроб его; 4) На шествие в Казань Ее Величества в 1767 г.; 5) На маскарад бывший в Казани, где на своих инструментах играли и плясали пред Ее Величеством ногайцы и прочие азиатские народы, в том же году; 6) На Петергоф; 7) На поднесение ее величеству титла Екатерины Великой; 8) На случай разломки московского Кремля, когда автор отъезжал из сего города в 1779 г.; 9) На победы над Турками в новый 1772 г.; 10) Ее Величеству на открытие наместничеств 1775 г.; 11) На изображение Феофана; 12) На Кантемира; 13) На Поповского; 14) На Лосенкова; 15) На Чесова; 16) На Ломоносова // СВ. 1779. Ч. 3. Февр. С. 108–114 (без подп.).

Ивановичу Шувалову на прибытие его из чужих краев в Санкт-Петербург 1777-го г. сентября 17-го» (СВ. 1779. Ч. 4. Авг. С. 108–114; без подп.); «Ода на смерть К<нязя> М<ещерского> к **** <С. В. Перфильеву>» (Там же. Сент. С. 175–178; без подп.); «Ключ»²⁸ и «Загадка» (Там же. Окт. С. 267–269, 281; без подп.); «Стихи на рождение в севере порфирородного отрока декабря во второй на десять день, в который солнце начинает возврат свой от зимы на лето» (Там же. Дек. С. 410–414; без подп.).

Столь умножившееся присутствие стихотворений Державина, думается, не в последнюю очередь связано с как раз тогда установившимися неформальными отношениями участников кружка с редакцией «Санкт-Петербургского вестника», которым способствовало знакомство Львова с Княжниным, насчитывавшее уже несколько лет (об этом далее). Здесь следует подчеркнуть, что «Ода на смерть К<нязя> М<ещерского>», «Ключ» и «Стихи на рождение в Севере порфирородного отрока» — это те самые шедевры, с которых, по общему мнению, начинается зрелый период державинского творчества, отмеченный наиболее значительными художественными достижениями. Их написание во второй половине 1779 г. — наглядное подтверждение действительно произошедшего незадолго до этого качественного изменения поэзии Державина, связываемого им самим с атмосферой кружка.

В следующем году в «Санкт-Петербургском вестнике» было напечатано еще три стихотворения Державина (из них лишь «Кружка» была написана раньше, еще в 1777 г.), другие сочинены в 1780 г.: «Ода на высочайшее ее императорского величества отсутствие из С.-Петербурга в Белорусские губернии, <...> сочиненная 1780 г. мая 20 дня» (СВ. 1780. Ч. 5. Май. С. 375–379; без подп.); «Ода к соседу моему господину N <М. С. Голикову>» и «Застольная песнь» (Там же. Ч. 6. Авг. С. 108–111, 203–205; без подп.; второе и третье стихотворения позднее названы «К первому соседу» и «Кружка»), «Переложение 81 псалма» (Там же. Нояб. С. 315–316; без подп.; впоследствии переименовано в «Властителям и судиям»). Последнее из стихотворений было вырезано в большей части тиража из-за резкости выражений по адресу

²⁸ В связи с этим стихотворением, посвященным М. М. Хераскову, укажем, что в 1779 г. в «Санкт-Петербургском вестнике» была помещена обширная благожелательная рецензия на его «Россиюду» (СВ. 1779. Ч. 4. Авг. С. 124–145; без подп.).

«земных богов».²⁹ Это цензурное вмешательство, по всей видимости, привело к тому, что журнал стал хиреть, а затем и прекратился в следующем году. В 1781 г. в «Санкт-Петербургском вестнике» была опубликована лишь одна державинская «Ода на новый год» («Рассекши огненной стезею...») (СВ. 1781. Ч. 7. Янв. С. 3–5; без подп.).

Из всех участников кружка Н. А. Львов был тем, кто и в эти годы, и позднее менее всего был озабочен снисканием литературной известности (не последнюю роль при этом играло, конечно же, его архитектурное призвание). В то же время именно у него были самые прямые связи с издателями «Санкт-Петербургского вестника». Так, из писем Муравьева родным известно, что уже зимой 1778 г. Львов был неплохо знаком с Княжниным: 7 февраля 1778 г. в домашнем театре П. В. Бакунина Меньшого состоялась премьера трагедии Княжнина «Дидона», заглавную роль в которой сыграла М. А. Дьякова, будущая жена Львова.³⁰ Весьма вероятно, что сам он, неоднократно выступавший на этой домашней сцене в качестве актера, исполнил одну из ролей в спектакле.³¹

Впервые о публикациях Львова в журнале стало известно лишь в 1927 г., когда Б. И. Коплан обнаружил автограф упомянутой выше эпиграммы «По языку и мыслям я узнала...»³² на выход книги басен Хемницера (СВ. 1779. Ч. 4. Нояб. С. 360; без подп.), написанной Львовым от лица М. А. Дьяковой.³³ В 1974 г. благодаря указанию в дневниках Муравьева Л. И. Кулакова атрибутировала Львову песенку «Цари! вы светом обладайте...» (Там же. 1780. Ч. 6. Август. С. 127; без подп.).

²⁹ Берков П. Н. История русской журналистики XVIII века. М.; Л., 1952. С. 354.

³⁰ Муравьев М. Н. Письма отцу и сестре 1777–1778 гг. / Публ. Л. И. Кулаковой и В. А. Запалова // Письма русских писателей XVIII века. Л., 1980. С. 348.

³¹ Так, Муравьев сообщил отцу 18 декабря 1777 г.: «Я нынешний вечер еду, по приглашению Ник<олая> Ал<ександровича> Львова, в дом Бакунина, где собравшееся общество будут играть комедию и опера-комик. Комедия будет „Игрок“ г. Реньяра, в которой Николай Александрович будет играть отца, а опера-комик называется „Колония“, содержанием своим хотя и не много значащая, но превосходной музыки. Петь будут Марья Алекс<еевна> и Катерина Алексеевна Дьяковы, большой их брат и еще... не знаю» (см.: Письма русских писателей XVIII века. Л., 1980. С. 328; ср. также С. 330–334). Речь идет о представлении комической оперы А. Саккини и Н.-Э. Фрамери «Колония» и комедии Ж. Ф. Реньяра «Игрок».

³² В сохранившемся автографе Львова она озаглавлена «Эпиграмма сочинителю басен и сказок NN ноября 26-го»; ИС, 92.

³³ Коплан Б. И. К истории жизни и творчества Н. А. Львова // Известия АН СССР. 1927. № 7–8. С. 722.

музыка к ней была сочинена Д. С. Бортнянским).³⁴ Весьма правдоподобными представляются атрибуты Львову следующих публикаций на основании их архитектурной тематики: статья «История архитектуры» (СВ. 1779. Ч. 4. Нояб. С. 328–337; без подп.), рецензия на книгу «Новый Виньола, или Начальные гражданской архитектуры наставления» (1777) (Там же. С. 365–367; без подп.).³⁵ На мой взгляд, Львову принадлежит еще и хвалебная рецензия на перевод М. В. Сушковой романа Ж.-Ф. Мармонтеля «Инки, или Разрушение Перуанской империи» (СВ. 1780. Ч. 5. Май. С. 134–136; без подп.),³⁶ ибо Львов сам пытался переводить этот роман (рецензент признается, что роман ему хорошо знаком и что текст Сушковой сверялся им с оригиналом). Заслуживает внимания и мнение Н. Л. Степанова, считавшего Львова и Капниста авторами отклика на первое издание басен Хемницера (СВ. 1780. Ч. 6. Авг. С. 223–227; без подп.).³⁷ Этот отклик состоит из короткого абзаца, в котором утверждается, что все «сего рода сочинения на нашем языке», кроме принадлежащих «господину С...» (т. е. Сумарокову), по сравнению с помещенными в этой книжке «посредственными». И лишь сочинения рассматриваемого издания изобилуют всем тем, что «достоинство и приятность басень и сказок составляет». В подтверждение приводятся два текста, почерпнутые из книги Хемницера: «Крестьянин с ношею» и «Барон».

В высшей степени ярким был дебют Капниста в «Санкт-Петербургском вестнике»: в июньском номере за 1780 г. была опубликована его «Сатира I» (СВ. 1780. Ч. 5. Июнь. С. 440–447; подп.: К.*), направленная против литераторов-графоманов — в том числе и против Н. П. Николева и его окружения, враждебного Я. Б. Княжнину. Ссору Капниста

³⁴ Кулакова Л. И. Творчество Н. А. Львова 1770-х — начала 1780-х гг. // Проблемы изучения русской литературы XVIII века: От классицизма к романтизму. Л., 1974. Вып. 1. С. 53.

³⁵ Мартынов И. Ф. Журналист, историк и дипломат XVIII в. Г. Л. Брайко. С. 230–231.

³⁶ [Мармонтель Ж.-Ф.] Инки, или Разрушение Перуанской империи / Перевела М. Сушкова. [М.], 1778. Ч. 1–2. О слухах, курсировавших в литературной среде, согласно которым Львов перевел половину этого романа, см. в письме Муравьева от 17 августа 1777 г. (Письма русских писателей XVIII века. Л., 1980. С. 277).

³⁷ Басни и сказки Н... Н... [И. И. Хемницера]. СПб., [1779]. В книге помещено 39 басен Хемницера и две басни Львова в разделе «Чужие басни». Ср.: Хемницер И. И. Полное собрание стихотворений... С. 13.

с «рифмокропателями» (выражение Муравьева), развязали следующие строки сатиры:

Но можно ли каким спасительным законом
 Принудить Рубова мириться с Аполлоном?
 Не ставить на подряд за деньги гнусных од
 И рылом не мутить кастальских чистых вод?
 Котельский, Никошев, Вларикин, Флезиновский,
 Обвесимов, Храстов, Весевкин, Кампаровский
 И все семейство их, не убоясь судов,
 Напутав кое-где и прозы, и стихов,
 В свет могут их пустить без пошлин, без окладу
 Читателям, уму и музам на досаду.

(СВ. 1780. Ч. 5. Июнь. С. 446–447).

Все сколько либо причастные к литературной жизни без труда понимали, что Капнист метил в В. Г. Рубана, Ф. Я. Козельского, Н. П. Николева, И. А. Владыкина, А. Н. Фрязиновского, А. О. Аблесимова, А. С. Хвостова, М. И. Веревкина и Я. И. Кантаровского.³⁸

В следующем, августовском номере Капнист поместил оду «Надежда», не тая своего авторства (СВ. 1780. Ч. 6. Авг. С. 95–101; подп.: В. Капнист), и здесь же анонимно опубликовал «Ode à l'occasion de la paix conclue entre la Russie et la Porte Ottomane à Kaynardgi», впервые вышедшую в свет отдельной брошюрой в 1775 г. (Там же. С. 128–137; без подп.).³⁹ Последнее стихотворение в «Санкт-Петербургском вестнике», бесспорно принадлежащее Капнисту, — анонимная эпиграмма «На богатого умом стихотворца» («Недавно вздумалось Героду...») (Там же. Окт. С. 290; подп.: *).

Высокая оценка «Сатиры I» и оды «Надежда», как и то, что они прошли через горнило дружеских обсуждений, донесены до нас пись-

³⁸ Довольно едкое «Письмо к господину К<апнисту>, сочинителю сатиры первой», было вскоре помещено в «Санкт-Петербургском вестнике» (1780. Ч. 6. Сент. С. 234–237; подп.: «Ваш покорный слуга Д.»). На него от имени редакции ответил, по-видимому, Брайко (см.: Там же. С. 238–239). Обзор полемических столкновений, вызванных публикацией сатиры см.: Степанов В. П. Из истории литературных полемик XVIII века («Обед Мидасов») // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1976. Л., 1978. С. 131–146.

³⁹ О высокой ее оценке Львовым можно заключить по тому, что он читал ее Муравьеву в начале июля 1779 г. вместе с одой «Надежда». Ср. примеч. 54, 56 и относящийся к нему текст.

мом Державина к Капнисту от 31 декабря 1789 г. (V, 766–769), в котором первый из них выразил крайнее раздражение тем, как Капнист критиковал его оду «Изображение Фелицы» (1789):

Ежели ты хочешь вперед писать прямо по-русски, то приезжай к твоим друзьям и советуй с ними или оставляй, что напишешь, про твоих земляков; а без того не токмо читать или печатать, любя твою славу, стихов твоих, но и принимать их не будем; ибо кроме од «Надежды» и сатиры, здесь при твоих друзьях написанных, последующие твои сочинения никакого уважения не заслуживают. Ежели таковыми стихами подаришь ты потомство, то и в самом деле прослышь парнасским трубочистом, который хотел чистить стихи других, а сам нечистотою своих был замазан. (V, 768).⁴⁰

По басне «Черви» (СВ. 1780. Ч. 5. Сент. С. 202–203; подп.: ***) и по ряду других произведений Хемницера, оставшихся тогда в рукописи (послание к Капнисту, эпиграммы), можно заключить, что «Сатира I» Капниста отразила не только его приоритеты, но ценностные ориентиры его ближайших друзей.⁴¹ По мнению И. Ф. Мартынова, Хемницеру также принадлежит анонимное «Письмо к одному из издателей „Вестника“» (СВ. 1779. Ч. 4. Нояб. С. 356–359; без подп.), в котором выражено восхищение картиной Ж.-Б. Грёза «Отцовское проклятие» (1777), виденной Хемницером в Париже, и содержится апология морализаторства французского художника.⁴²

Как видим, участники кружка выступили на страницах «Санкт-Петербургского вестника» в 1779–1780 гг. весьма сплоченно, отстаивая определенные представления о хорошей литературе и демонстрируя собственными произведениями, какой она, по их мнению, должна быть.

⁴⁰ Высокая кружковая оценка оды «Надежда» донесена до нас и письмом Львова Капнисту от 23 декабря 1789 г. В нем в порыве воодушевления Львов переходит на французский язык и утверждает, что Капнист создан скорее для поэмы, чем для оды, хотя ему и удалось с грацией выразить чувствительный порыв в одах «На надежду» и «На утрату» («un moment de sensibilité, comme dans l'ode „Sur l'Espérance“ ou „Sur la Perte“») (см.: Письма русских писателей XVIII века. Л., 1980. С. 388). Второе стихотворение позднее получило название «Ода на смерть сына моего»; оно было написано в 1787 г. на смерть первенца Капниста, которого он в честь Державина назвал Гаврилом.

⁴¹ Хемницер И. И. Полное собрание стихотворений / Вступ. ст. Н. Л. Степанова, сост. Л. Е. Бобровой, подгот. текста и примеч. Л. Е. Бобровой и В. Э. Вацура. М.; Л., 1963. С. 177–180, 217–218.

⁴² Мартынов И. Ф. Журналист, историк и дипломат XVIII в. Г. Л. Брайко. С. 230.

Не последнюю роль играло при сближении с журналом и уважительное отношение молодых поэтов к Сумарокову и его школе.⁴³ Хотя Державин, примкнувший к кружку последним, ощущал себя поначалу, скорее, продолжателем ломоносовской линии в одической поэзии, но в других лирических жанрах он весьма прилежно учился у Сумарокова, как это показал еще Г. А. Гуковский.⁴⁴ Весьма характерна и высокая оценка притч Сумарокова в цитированном выше отклике на публикацию книги басен Хемницера.⁴⁵

Но вернемся к общей хронологии занимающего нас литературного содружества. Если временем возникновения львовско-державинского кружка следует, по-видимому, считать весну 1779 г. (т. е. оно произошло незадолго до публикации оды Державина «Успокоенное неверие» в июньском номере «Академических известий»), то прекращение его существования совпадает со смертью Львова (смерть Хемницера в 1784 г. стала тяжелым ударом для кружка, но, как далее я постараюсь показать, не разрушила его). Об этом можно заключить из письма Державина Капнисту от 3 января 1804 г., которое было написано вскоре после кончины Львова и важно, помимо всего прочего, как констатация исключительной творческой близости, связывавшей четырех друзей-поэтов, составивших ядро кружка:

Вот, братец, уже двое из стихотворческого круга нашего на том свете. Я говорю о Хемницере и Николае Александровиче. Долго ли нам на сем свете помаячить? (VI, 144).⁴⁶

Здесь, прежде чем перейти собственно к истории львовско-державинского кружка, имеет смысл рассмотреть вопрос принадлежности

⁴³ О значении Сумарокова для участников львовско-державинского кружка см. в кн.: *Гуковский Г. А.* Русская поэзия XVIII века. Л., 1927. С. 197–198. Ср. также выписку из басни «Соловей и кукушка» Сумарокова в львовской «Путевой тетради № 1» (ИРЛИ. № 16470. Л. 23).

⁴⁴ *Гуковский Г. А.* Русская поэзия XVIII в. Л., 1927. С. 186–191, 195–196, 198–199. Из новейших работ укажем: *Ларкович Д. В.* Становление авторского сознания Г. Р. Державина и сумароковская поэтическая традиция // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2011. Вып. 3 (15). С. 121–129.

⁴⁵ Санкт-Петербургский вестник. 1780. Ч. 6. Сент. С. 223. Ср. примеч. 36 и относящийся к нему текст.

⁴⁶ Также в стихотворении «Зима» (1805): «Что мне петь? — Ах! где хариты? / И друзей моих уж нет. / Львов, Хемницер в гробе скрыты / За Днепром Капнист живет. / Вельяминов, лир любитель, / Богатырь, певец в кругу, / Беззаботный света житель, / Согнут скорбями в дугу» (II, 528).

к нему М. Н. Муравьева, которого некоторые исследователи (прежде всего, это Л. И. Кулакова и В. А. Западов) склонны включать в число участников этого литературного объединения с самого начала его существования.

М. Н. Муравьев и львовско-державинский кружок

Наиболее детально точку зрения о том, что М. Н. Муравьев сыграл важнейшую роль в формировании и деятельности львовско-державинского кружка сформулировал в 1969 г. В. А. Западов в статье «Державин и Муравьев»,⁴⁷ опираясь на письма М. Н. Муравьева, тогда еще неопубликованные. Справедливо полагая, что дружба Львова с Хемницером восходит к началу 1770-х гг., исследователь датирует «присоединение» к ним Муравьева 1773–1774 гг. (впрочем, без какой-либо аргументации). Сближение Державина с кружком исследователь относит к началу 1779 г., оговариваясь, впрочем, что «в 1779–1780 гг. Муравьев большую часть времени провел в Твери» и что тесную дружбу Державина с Муравьевым «вероятней всего отнести к 1781–1782 гг.». Далее Западов приводит ряд биографических подробностей, которые свидетельствуют, скорее, о взаимной человеческой симпатии поэтов, чем о фактах их творческой близости. Отмечу со своей стороны, что известия о публикациях или же вокальном исполнении стихотворений Державина в письмах Муравьева родным следует понимать, скорее, как светские новости, а не кружковые. Значительно более категоричные заявления сделаны в статье В. А. Западова о Муравьеве в «Словаре русских писателей XVIII века», где утверждается, что знакомство Муравьева и сближение его с Н. А. Львовым (а через него с И. И. Хемницером) «явилось началом существования львовского кружка».⁴⁸

Критический анализ данного утверждения предприняла Л. Росси в статье «М. Н. Муравьев и Н. А. Львов в 1770-е гг.».⁴⁹ Отметив, что

⁴⁷ Западов В. А. Державин и Муравьев // XVIII век. Л., 1969. Сб. 7. С. 245–253. Сходные заявления в статьях: Кулакова Л. И. 1) М. Н. Муравьев // Ученые записки ЛГУ. 1939. № 33. Вып. 4. С. 4–42; 2) Муравьев // История русской литературы. М.; Л., 1947. Т. 4. С. 454–461.

⁴⁸ Западов В. А. Муравьев Михаила Никитич // Словарь русских писателей XVIII в. СПб., 1999. Вып. 2: (К–П). С. 306.

⁴⁹ Росси Л. М. Н. Муравьев и Н. А. Львов в 1770-е гг.: к характеристике кружковых объединений в последней четверти XVIII в. // Гений вкуса: Н. А. Львов: Материалы

среди коллег точка зрения Западова не нашла поддержки, исследовательница детально проследила историю дружбы Муравьева с Львовым на протяжении 1770-х гг., привлекая большое число неопубликованных материалов. Относя первое, по всей видимости, весьма поверхностное знакомство поэтов к 1773, если не к 1772 г.,⁵⁰ Л. Росси отмечает и возроставшую интенсивность их дружбы в течение рассматриваемого десятилетия, и ее «семейные истоки». Судя по упоминанию в письмах родным 1776 г., отношение Муравьева к Хемницеру было поначалу весьма отстраненным, но вскоре оно стало «более интимным».⁵¹ Знакомство Муравьева с Капнистом, состоялось, видимо, лишь два года спустя — летом 1778 г.⁵²

и исследования / Науч. ред. М. В. Строганов. Тверь, 2003. Сб. 3. С. 287–298. Далее со ссылками на архивы приводятся и материалы, выявленные Л. Росси и другими исследователями, и те, на которые указано в моих более ранних публикациях.

⁵⁰ Эти даты находим в краткой заметке на обложке одного из дневников Муравьева: РНБ. Ф. 499 (М. Н. Муравьев). Ед. хр. 30; оборот передней обложки. Среди разрозненных заметок в том же дневнике Муравьев отметил под 1776 г.: «Учение итальянского, 1776. Николай Александрович Львов» (Там же. Л. 12), а в «*Mes souvenirs*» (краткой канве своей жизни 1776–1780 гг.) писал под 1777 г.: «*Je coultivai la connoissance de Mr. de Lwoff*» (Там же. Л. 7). Ср. опубликованное Росси стихотворение Муравьева «Сегодня я у Львова был в гостях...», написанное, по-видимому, уже в 1778 г. (см.: Росси Л. М. Н. Муравьев и Н. А. Львов в 1770-е гг. ... С. 292–293). По-видимому, в 1776 или 1777 г. Муравьевым была написана и эпитафия для надгробного памятника отцу Львова, изготовленного в 1777 г.; на нем были также выбиты эпитафии Хемницера и Державина (см.: Лаппо-Данилевский К. Ю. *Miscellanea Lvoviana* // Гений вкуса: Н. А. Львов: Материалы и исследования / Науч. ред. М. В. Строганов. Тверь, 2003. Сб. 3. С. 121–124; Львова А. П. Арпачевские находки // Николай Львов: прошлое и современность: Материалы научно-практической конференции. 16–17 мая 2005 г.: Сб. статей. СПб., 2005. С. 112–116).

⁵¹ Муравьев указывал в «*Mes souvenirs*» под 1776 г.: «*une connoissance plus intime avec Mr. De Chemnitz*» (РНБ. Ф. 499. Ед. хр. 30. Л. 7). В том же 1776 г. Муравьевым был составлен сборник «Новые лирические опыты», оставшийся в рукописи (находится в дневнике поэта: Там же. Л. 3–6). В него включены стихотворения, посвященные Хемницеру («Спокойствия пловец желает, бурю видя...») и Львову («Любовь, узнаешь ли ту лиру...»).

⁵² В недатированном письме отцу (видимо, от 3 июля 1778 г.) Муравьев впервые упомянул Капниста: «Вчера было очень хорошее утро, и мы его препроводили с Николаем Александровичем и Капнистом, молодым человеком, его приятелем, в Летнем саду, где мы завтракали. Там заведен прекрасный кофейный дом» (ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 51. Л. 76 об.); 10 июля Муравьев сообщал отцу, что к нему пожаловал «поутру г. Капнист» и что он «почитает себе в честь знакомство сего молодого человека» (Там же.

В своей статье Л. Росси указывает на ранее не учтенную запись на внутренней стороне задней обложки того же дневника,⁵³ которую она интерпретирует как «своеобразный протокол встреч львовского кружка». Как полагает исследовательница, в ней зафиксировано совместное чтение литературных произведений 5 июля 1779 г., в котором участвовали: Львов (произведение не установлено), Капнист («Ода на надежду») и сам Муравьев (перевод восьмой идиллии Н. Ж. Леонара «Буря» и некая «Эпистола», т. е., видимо, «Сожаление младости»). Неясно, читал ли что-либо Хемницер, но у Львова «можно было видеть только что опубликованные „Басни“ И. И. Хемницера, и „потом самого их творца“». ⁵⁴ Саму запись Росси не приводит, отмечая ее плохую сохранность, в силу чего ряд слов ей разобрать не удалось. Все же несмотря на то, что край листа осыпался и в последней строке у некоторых букв видны лишь их верхние части, данный отрывок поддается почти полному прочтению. Он находится в конце пространной записи, фиксирующей пережитое Муравьевым в течение нескольких дней после возвращения из Москвы 3 июля 1779 г. Приведем его текст:

Потом виделся с Ник.<олаем> Алекс.<андровичем>, не был столько жив, видел у него басни Ив. Ив. Хемн<ицера>, потом самого их творца. Читал им порознь свою «Низу» и Епистолу. Разговор мой имел <дефект>⁵⁵ прекрасного: душа des demi sentiments. Н.<иколай> Ал.<ександрович> читал стихотв<оре-ние> Капн<иста> «Ode sur la paix». Изустно пересказывал «Оду на надежду» его же.⁵⁶

Думается, приведенный текст в некоторых пунктах противоречит его интерпретации, предложенной Л. Росси.

Во-первых, вряд ли речь может вестись о коллективной встрече участников кружка, читке, исправлениях и обсуждении произведений

Л. 50 об.; письмо недавно опубликовано в статье: *Ивинский А. Д.* Из эпистолярного наследия М. Н. Муравьева: письма 1778 г. к отцу (по материалам ОПИ ГИМ) // Новое литературное обозрение. 2018. № 154 (6). С. 183.

⁵³ РНБ. Ф. 499 (М. Н. Муравьев). Ед. хр. 30.

⁵⁴ *Росси Л. М.* Н. Муравьев и Н. А. Львов в 1770-е гг. ... С. 296.

⁵⁵ Ввиду дефекта рукописи не читается одно слово (может быть, «немало» или «много»).

⁵⁶ РНБ. Ф. 499 (М. Н. Муравьев). Ед. хр. 30. Внутренняя сторона задней обложки. Не совсем ясно, что Муравьев имел в виду под выражением «душа des demi sentiments» (дословно, если перевести его французскую часть: «душа получувств»).

друг друга, т. е. о том, чем как раз в это время в основном и весьма энергично занимались участники львовско-державинского кружка. Как мы видим, Муравьев посетил Львова, к которому затем заглянул Хемницер, а на присутствие Капниста в этот день у Львова ничто не указывает. Сам Муравьев писал, что читал им свои стихи «порознь», судя по всему, для того, чтобы не утомлять Львова повторным прослушиванием. Остается неясным, видел ли Муравьев басни Хемницера еще в рукописи, или уже как книгу — рецензия на нее, как уже указывалось выше, появилась в сентябрьском номере «Санкт-Петербургского вестника» за 1779 г.

Во-вторых, Львов своих стихов в этот вечер не читал, но прочел два стихотворения Капниста — одно на французском языке и одно на русском. Причем второе наизусть («изустно»). Первое из стихотворений — это «*Ode à l'occasion de la paix conclue entre la Russie et la Porte Ottomane à Kaynardgi le 10 juillet. Anno 1774*», вышедшая в свет в 1775 г. отдельной брошюрой и в 1779 г., видимо, перерабатывавшаяся для возможной републикации.⁵⁷ В связи с «Одой на надежду» Капниста, неизменно высоко оценивавшей его друзьями, имеет смысл указать, что она вписана Муравьевым в тот же самый дневник, но, скорее всего, через год, после ее публикации в августовском номере «Санкт-Петербургского вестника» за 1780 г.⁵⁸

Доброе знакомство Муравьева с Львовым, Хемницером и Капнистом в конце 1770-х гг., как нетрудно заключить из вышеприведенных свидетельств, не перешло в длительное и взаимообогащающее сотрудничество, а Муравьев не стал участником кружка.⁵⁹ Причин тут было, думаю, несколько — и ярко выраженные приоритеты группы, и враждебность по отношению к некоторым литераторам (в первую очередь

⁵⁷ Ода была вновь напечатана через год в «Санкт-Петербургском вестнике» (1780. Ч. 6. Авг. С. 128–137).

⁵⁸ РНБ. Ф. 499 (М. Н. Муравьев). Ед. хр. 30. Л. 3 об.—4. Муравьевым тогда же были скопированы еще два стихотворения из того же номера «Санкт-Петербургского вестника»: «Стансы к Богу» («Источник жизни, благ податель...») «неизвестного сочинителя» (в действительности это стихотворение Я. Б. Княжнина) и «Песенка Николая Александровича» («Цари, вы, светом обладайте...»; ИС: 50–51). Они записаны идентичными чернилами (Л. 5 и 16).

⁵⁹ Обращает на себя и тот факт, что Державин, за несколько месяцев до 5 июля 1779 г. вошедший в кружок и участвовавший в обсуждениях стихов, Муравьеву еще не известен и в его дневниках этого времени не упомянут.

московским), с которыми Муравьев был дружен, и изначальная полемическая «заряженность», вскоре нашедшая выход в резких выступлениях на страницах периодики («Сатира I» Капниста, басня Хемницера «Черви»). Не последнюю роль играла и болезненная застенчивость Муравьева, терявшегося в обществе его более светских и общительных знакомых.

В данном контексте крайне важна несколько более поздняя дневниковая запись Муравьева, ставшая прямым откликом на выход из печати 19 мая 1783 г. первой части «Собеседника любителей российского слова» и на прочтенную в ней Муравьевым державинскую «Фелицу»: «1783 мая 23. Державин, может быть, первый испытал между нами персифлаж в оде к Фелице: довольно остроумно, довольно счастливо и свободно. „Ода к соседу“ и прочее».⁶⁰ Весьма существенно, что эта заметка указывает на отношение Муравьева к львовско-державинскому кружку извне, на его непосвященность в предысторию публикации «Фелицы», неплохо известную нам со слов Державина (как известно, эту оду, написанную в 1782 г., Державин после совещания с Львовым и Капнистом решил «запереть», и она находилась год под спудом).⁶¹ Как нетрудно заметить, знаменитая ода, обсуждавшаяся участниками кружка еще в рукописи, стала знакома Муравьеву лишь после ее напечатания, а характеристика «Фелицы» как персифлажа не имеет аналогов в ее трактовках участниками кружка.

Сказанное выше отнюдь не означает прекращения дружеских отношений Муравьева с участниками кружка к началу 1780-х гг. или позднее; они не прерывались в течение многих лет, то теряя интенсивность, то обретая второе дыхание. Все же, если в 1790-е гг. можно отметить некоторое сближение с Державиным (не в последней степени по обстоятельствам службы), то общение со Львовым, столь важное для Муравьева во второй половине 1770-х гг., никогда уже не было столь тесным. Об этом отчасти свидетельствует и постепенное исчезновение имени Львова из писем Муравьева родным в 1780-е и 1790-е гг.

⁶⁰ РНБ. Ф. 499 (М. Н. Муравьев). Ед. хр. 30. Л. 39. Неправильное прочтение слова «персифлаж» как «перепутаж» легло в основу ряда позднейших суждений В. А. Запавова об эстетике Муравьева и Державина; их ныне невозможно воспринимать всерьез (подробнее см.: *Росси Л.* Что такое «перепутаж?» (Державин, Муравьев и одна литературная легенда) // Новое литературное обозрение. 1997. № 27. С. 284–286).

⁶¹ Об этом известно из «Объяснений» Державина на его сочинения (III, 601–602).

Основные периоды деятельности львовско-державинского кружка

История львовско-державинского кружка распадается на три периода, различных как по интенсивности совместной творческой деятельности, так и по ее характеру.

Первый период (с весны 1779 по октябрь 1784 г.) — это время наиболее частых собраний и горячих творческих обсуждений стихотворных произведений четырех участников кружка, а также резких полемических выступлений, активного участия поначалу в «Санкт-Петербургском вестнике» (1778–1781), а позднее в «Собеседнике любителей русского слова» (1783–1784).

Обращают на себя внимание различия в возрасте четырех поэтов в момент возникновения кружка, несходство их биографий и происхождения. В конце весны 1779 г. Державину было почти 37 лет, Хемницеру — 34, Львову — 26, Капнисту — 21 год. Державин — рано осиротевший небогатый дворянин, медленно прокладывавший себе путь по военной, а потом по статской служебной лестнице; Хемницер — сын саксонского штаб-лекаря, переехавшего в 1734 г. в Россию и здесь отнюдь не обогатившегося; исполнительность и образованность будущего баснописца снискали ему протекцию М. Ф. Соймонова, его начальника по службе в Берг-коллегии; Львов — молодой многообразно одаренный аристократ, чье стремительное карьерное продвижение было «поддержано» родством с сановниками М. Ф. Соймоновым и П. В. Бакуниным Меньшим. И, наконец, Капнист — по отцу потомок воинственных греков, принадлежащий по матери, урожденной Дуниной-Борковской, к малороссийской знати; выйдя 10 июля 1775 г. в отставку из лейб-гвардии Преображенского полка подпоручиком, Капнист предпочитал жить в Петербурге, а не в поместьях своей семьи под Полтавой.

Более всего четырех друзей сближает весной 1779 г. то, что все они уже в полной мере осознали свое поэтическое призвание и стоят на пороге вступления в литературу. Державин к тому моменту анонимно издал тоненький сборник стихов «Оды, переведенные и сочиненные при горе Читалагае 1774 г.» (1776) и две оды на придворные события (1773 и 1777), а также напечатал без указания авторства две подборки стихов в «Санкт-Петербургском вестнике». Но он все еще не уверен в своих силах, он еще в поисках своего поэтического стиля. Хемницер из всех друзей

пользуется к 1779 г. наибольшей известностью в литературных кругах.⁶² В 1770 г. он опубликовал за свой счет две оды, воспевающие успехи русского оружия в войне с турками, а в 1774 — перевод героиды К.-Ж. Дора «Письмо Барнвеля к Труману из темницы», весной 1779 г. он как раз завершает подготовку к печати первого сборника своих басен (вышли в свет, судя по всему, в августе). Для Львова, главенствующий интерес которого к архитектуре уже определился, литература — лишь одно из многочисленных артистических увлечений наряду с театром и музыкой. Владея несколькими иностранными языками, он начитан в разнообразных областях; его авторитет в глазах друзей повышает и то, что, исполняя курьерские поручения от Коллегии иностранных дел, он уже неоднократно побывал в Западной Европе (Дания, немецкие государства, Англия, Испания, Франция), где посещал художественные собрания, присутствовал на театральных представлениях. К 1779 г. он автор мелких неопубликованных стихотворений и переводов; 15 февраля 1778 г. им окончена ранняя версия пьесы «Сильф, или Мечта молодой женщины», работа над которой будет завершена в 1790-е гг.⁶³ Капнист хотя и опубликовал в 1775 г. отдельной брошюрой оду на заключение Кючук-Кайнарджийского мира на французском языке, но ощущает себя поэтом русским и готовится к первым поэтическим выступлениям на родном языке, его литературные вкусы сформировались, и он не прочь с задором молодости отстаивать их в полемических схватках.

Еще большей сплоченности четырех поэтов, составивших ядро кружка, способствовали возникшие вскоре родственные узы — 8 ноября 1780 г. Львов женился на Марии Алексеевне Дьяковой, а на день позже Кап-

⁶² О раннем признании Хемницера-литератора можно заключить хотя бы по тому, что в 1772 г. ему, единственному из четырех друзей, была посвящена статья в «Опыте исторического словаря о российских писателях» Н. И. Новикова. В ней говорится, что он «писал много стихов», но что были «из них напечатаны только две оды». Здесь же упомянуто, что Хемницер сочинил «трагедию „Бланку“ в трех действиях», которая до нас не дошла (см.: Опыт исторического словаря о российских писателях / из разных печатных и рукописных книг, сообщенных известий и словесных преданий собрал Николай Новиков. СПб., 1772. С. 234–235).

⁶³ В архиве Державина сохранилось восемь явлений этой ранней редакции: *Львов Н. А. Сильф, или Мечта молодой женщины: Комедия с песнями в двух действиях* // РНБ. Ф. 247 (Г. Р. Державин). Т. 38. Л. 169–183.

нист — на ее сестре Александре.⁶⁴ Довольно скоро из кружка вышел А. С. Хвостов, чье ренегатство, нападки на Львова и Фонвизина заклеял эпиграммами Хемницер.⁶⁵ На собраниях кружка нередко присутствовали еще два лица, не чуждые литературных интересов, но в то время стихов не писавшие: это двоюродный брат Львова Федор Петрович Львов (1766–1836)⁶⁶ и Петр Лукич Вельяминов (ум. 28 февр. 1805).⁶⁷

В данном контексте заслуживает внимания следующее свидетельство первого из них в его мемуаре о Н. А. Львове, указывающее на присутствие Ф. П. Львова на собраниях кружка (в поэзии он стал пробовать свои силы позднее) — в том числе и при обсуждениях «Фелицы» в 1782 г.:

Я помню, что Хемницер не отпускал ни единой басни своей в мир, не прося о пропуске оной Николая Александровича, который или снабжал таковым проезжую или отказывал в оном. Я помню, когда прекрасная ода «Фелица», будучи почти первая у нас в России одета легко, заманчиво, приятно и богато, приве-

⁶⁴ К истории этих браков: Лаппо-Данилевский К. Ю. 1) О тайной женитьбе Н. А. Львова // Новое литературное обозрение. 1997. № 23. С. 132–144; 2) *Miscellanea Lvoviana*. С. 116–120; Дзюбанов С. Д. «Верует в Резон, как во Единого Бога» (подлинная история тайной женитьбы Н. А. Львова) // Г. Р. Державин и его время: Сб. науч. статей. СПб., 2008 [Вып. 4]. С. 5–56.

⁶⁵ Хемницер И. И. Полное собрание стихотворений... С. 179, 217–218.

⁶⁶ Ф. П. Львов с 1778 по 1783 г. находился главным образом в Петербурге, ибо служил в лейб-гвардии Преображенском полку. В 1783–1784 г. он отсутствовал в северной столице в связи со службой при дипломатической миссии в Дрездене, а в 1788–1792 г. — в связи с участием в войне с турками. С 1794 по 1801 г. он служил вне Петербурга, впрочем, почасту наезжая туда (подробнее см.: Формулярный список Ф. П. Львова / Предисл., публ. и примеч. Е. Ю. Жаровой // Гений вкуса: Н. А. Львов: Материалы и исследования / Науч. ред. М. В. Строганов. Тверь, 2003. Сб. 3. С. 328–340).

⁶⁷ О литературных и музыкальных талантах Вельяминова можно заключить по цитированному выше стихотворению Державина «Зима» (1805). Об этом чуде и оригинале, преданном искусству, подробнее см. в комментариях Я. К. Грота (I, 671; II, 528–529), а также в приложении к письму Д. М. Полторацкого к А. П. Полторацкой от 24 июня 1803 г. (РГБ. Ф. 233 (Полторацкие). Оп. 2. Ед. хр. 41. Л. 31–32 об.). Отдельными изданиями были напечатаны два перевода Вельяминова: из Вольтера (1774) и Ж.-П. Флориана (1788). Он автор песни «Ох! вы славные русски кислы щи...», опубликованной в «Карманном песеннике» И. И. Дмитриева (СПб., 1796. Ч. 1. С. 106). Из последних работ укажем: Дзюбанов С. Д. «Вельяминов, лир любитель, богатырь, певец в кругу...» (неопубликованные письма друга Г. Р. Державина в контексте его биографии) // Державин и его время: Сб. науч. статей. СПб., 2017. Вып. 13. С. 58–85.

зена была автором к г-ну Львову на суд с тем, чтобы он чудесною силою вкуса изящное забавное отделил от неприятного смешного <...> (ИС, 366).⁶⁸

Как нетрудно заметить, на начальном этапе существования кружка главным для его участников были *коллективное совершенствование собственных произведений и выработка и отстаивание кружковых приоритетов*. Впрочем, вскоре об отказе от полемических выступлений было недвусмысленно заявлено — так, Капнист, в 1783 г. републикуя свою «Сатиру I», исключил из нее нападки на собратьев по литературному цеху. Сочинения четырех поэтов публиковались в это время главным образом на страницах периодических изданий; единственная книга, которую можно рассматривать как определенный итог саморепрезентации кружка на данном этапе, — это уже упоминавшиеся, довольно скромно изданные «Басни и сказки» Хемницера (1779).

Уже на этой первой стадии существования кружка заметен живой интерес его участников к изобразительным искусствам. Он выразился и в написании Хемницером басни «Два семейства» на сюжет эскизов Грёза, виденных им в Париже во время посещения мастерской художника,⁶⁹ и в приоритетах львовского «Итальянского дневника» (1781), и в дружеских контактах с художниками, из которых в первую очередь следует упомянуть Д. Г. Левицкого. Как известно, в 1783 г. живописец создал по программе Львова знаменитый «Портрет Екатерины II в храме богини Правосудия» (1783),⁷⁰ который Державин позднее воспел в «Видении мурзы» (опубл. в 1791 г.).

⁶⁸ Ф. П. Львову принадлежит обширное «примечание издателя» к «Объяснениям на сочинения Державина» о ближайшем круге общения его старшего собрата по перу, во многом дополняющее процитированное высказывание: [Державин Г. Р.] Объяснения на сочинения Державина, им самим диктованные родной его племяннице, Елисавете Николаевне Львовой, в 1809 г. / Изданные Ф. П. Львовым. СПб., 1834. Ч. 1. С. 25–28.

⁶⁹ Подробнее: Данилевский Р. Ю. Заметки о темах западноевропейской живописи в русской литературе // Русская литература и зарубежное искусство. Л., 1986. С. 269–281.

⁷⁰ Как известно, «Портрет Екатерины II в храме богини Правосудия» (1783) вызвал значительный литературный резонанс. В 1783 г. в «Собеседнике любителей российского слова» было опубликовано два стихотворения: «Надпись к портрету ее величества императрицы Екатерины II» Е. Р. Дашковой (Ч. 1. С. 14) и «К Д. Г. Левицкому» И. Ф. Богдановича (Ч. 4. С. 31). Письмо Д. Г. Левицкого издателю «Собеседника» (Ч. 6. С. 17–18) стало ответом на стихотворные восхваления портрета. В качестве приложения к нему опубликовано «Описание портрета ее императорского величества» (Ч. 6. С. 18), автором которого является Львов.

Внешние обстоятельства сначала ослабили, а потом и прервали традицию встреч и литературных бесед: переселение Капниста в его украинские вотчины в начале 1780-х гг. после его женитьбы 9 ноября 1780 г. на А. А. Дьяковой;⁷¹ определение Хемницера в июне 1782 г. генеральным консулом в Смирну и его безвременная кончина на чужбине 19 марта 1784 г.; назначение Державина олонекским губернатором и его отъезд из Петербурга в октябре 1784 г.

*Второй период существования кружка (с октября 1784 по июль 1789 г.)*⁷² стал временем ослабления совместной деятельности. Три главных участника кружка, разнесенные в пространстве, поддерживали после смерти Хемницера живой эпистолярный контакт. В письмах находим и обмен мнениями на литературные темы, и информацию о взаимной поддержке, касающейся в том числе и литературных дел. Из немногочисленных совместных предприятий следует отметить публикацию Державиным комической оперы Львова «Ямщики на подставе» в Тамбове в 1787 г. Через какое-то время после возвращения А. Н. Оленина из Германии в 1785 г. происходит его сближение со Львовым; начинаются их совместные занятия гравированием, предваряющие позднейшие издательские предприятия кружка.⁷³ К середине 1780-х гг. дом на Почтамтской, где Львов обосновался после перехода в 1782 г. в Глав-

⁷¹ Важным прецедентом более поздних заочных обсуждений стихов стало письмо Хемницера и Капниста Державину от 5 марта 1781 г. с критическими замечаниями и поправками на его «Оду на новый год». В феврале-марте этого года Хемницер гостил у В. В. Капниста в Обуховке; письмо было впервые опубликовано в кн.: Отчет Императорской публичной библиотеки за 1892 год. СПб., 1895. Приложения. С. 10–20. См. его также: *Капнист В. В.* Собр. соч. / Ред., вступ. статья и примеч. Д. С. Бабкина. М.; Л., 1960. Т. 2. С. 256–260.

⁷² Имеется в виду время службы Державина сначала в Олонце, а затем в Тамбове, до его возвращения в Петербург.

⁷³ Задумав воспроизведение чертежей А. Палладио, Львов выписал из Франции рукопись, объясняющую гравирование лависом и познакомил с ней Оленина (см.: *Оленин А. Н.* Описание аглицкого и русского способа гравирования лависом или акватинтою // ИИМК РАН. Ф. 7. Ед. хр. 48. Л. 3 об.; *Стояновский Н. И.* Археологические труды А. Н. Оленина. СПб., 1881. Т. 1. Вып. 1. С. XVII). Один из наиболее ранних совместных опытов Оленина и Львова (если не первый) состоялся 8 ноября 1787 г. Это шаржированный портрет Львова с его автографом: «Рожа нашей рожи, которую другая образина выгравиров[ала], пробуя новой род гравированья... 8 ноября 1787. День знаменитой для гравёра». Подпись впервые опубликована: Подробный словарь русских гравёров XVI–XIX веков / Сост. Д. А. Ровинский. СПб., 1895. Т. 2: К–О. Стб. 602; гравюра впервые воспроизведена в кн.: ИС. Л. 3 первого блока иллюстраций.

ное управление почтовых дел, становится одним из центров музыкальной жизни Петербурга, местом хорового исполнения русских народных песен.⁷⁴ В раскрепощенной атмосфере этих родственных собраний была начата подготовка «Собрания народных русских песен с их головами» (1790).⁷⁵

Третий период существования кружка (с июля 1789 по конец 1803 г.) — это время возобновления почти ежедневных встреч Львова и Державина, частых наездов Капниста в Петербург.⁷⁶ Женитьба Державина вторым браком на Дарье Алексеевне Дьяковой 31 января 1795 г. еще более сблизила трех поэтов. Их связывают контакты разной меры интенсивности с более молодыми литераторами. Покровительственными и в то же время близко-дружескими, предполагавшими и критику, и наставления, и поэтический диалог, были отношения с двумя более молодыми родственниками-поэтами: с уже упоминавшимся Ф. П. Львовым⁷⁷ и с Александром Михайловичем Бакуниным (1768–1854), возвра-

⁷⁴ О роли львовского дома в музыкальной жизни Петербурга и контактах Львова с музыкантами см.: *Федоровская Л. А.* 1) Композитор Степан Давыдов. Л., 1977. С. 21–29; 2) Музыка и музыканты в жизни и творчестве Н. А. Львова: (Статья 1) // Г. Р. Державин и его время: Сб. науч. статей. СПб., 2005. Вып. 2. С. 104–118; 3) Музыка и музыканты в жизни и творчестве Н. А. Львова: (Статья 2) // Г. Р. Державин и его время: Сб. науч. статей. СПб., 2007. [Вып. 3]. С. 117–134.

⁷⁵ Об этом существует любопытное признание Ф. П. Львова: «В 1790 г. член нашей Академии художеств покойный советник Николай Александрович Львов при помощи охотников и родственников, в его доме беспрестанно певших, в числе которых имел честь быть и я, сделал новое собрание песен, которые с наших голосов положил на ноты г. Прач; предисловие при сем издании было написано г. Львовым» (см.: *Львов Ф. П.* О пении в России. СПб., 1794. С. 44–45). Ср. также мемуарное примечание Капниста о посещении Сартти одного из родственников концертов в «Кратком изыскании о гипербореанах» Капниста, при первой публикации статьи в 1815 г., впрочем, опущенное (*Капнист В. В.* Собр. соч. / Ред., вступ. статья и примеч. Д. С. Бабкина. М.; Л., 1960. Т. 2. С. 184–185).

⁷⁶ В эти годы Н. А. Львов сохраняет свою роль главного судьи стихов Державина — так, Я. К. Грот привел в примечаниях к «Сочинениям Державина» пометы Львова на следующих стихотворениях: «На взятие Измаила» (1790; I, 333–361), «Мечта» (1794; I, 588–591), «На Мальтийский орден» (1798; II, 213–221). Думается, однако, что не все исправления подобного рода сохранились и что они имели место куда более часто.

⁷⁷ Здесь хотелось бы процитировать следующую заключительную помету на рукописи стихотворения Ф. П. Львова «К лире» («Как луч во тьме блеснет вдали...»), сделанную, видимо, Е. Н. Львовой: «Исправлено Н. А. Львовым и дядей Г. Р. Державиным стих<отворение> Ф. П. Львова, напис<анное> 1790 г.». Здесь же, чуть выше, запись

тившимся в 1790 г. из Италии.⁷⁸ Весьма тесным было общение с Александром Васильевичем Храповицким (1749–1801). Он обменялся посланиями с Державиным, а в послании к Капнисту («Ум пылок у тебя, приятен слог и чист...») трюнил над Державиным и Львовым как над добрыми знакомыми.⁷⁹ Единственное свидетельство близости к львовско-державинскому кружку Ивана Матвеевича Муравьева (в 1801 г. он стал именоваться Муравьевым-Апостолом; 1762–1851)⁸⁰ и Аполлоса Аполлосовича Мусина-Пушкина (1760–1805)⁸¹ — обращенность к ним некоторых произведений Львова.

Особенным было положение И. И. Дмитриева, познакомившегося с Державиным в 1790 г. и вскоре заслужившего особенную доверенность старшего собрата по перу, советовавшегося с ним по поводу своих стихов. Аналогичной, исключительной близости со Львовым и Капнистом у Дмитриева все же не возникло, хотя их дружеские отношения вне сомнений.⁸² Именно Дмитриев способствовал симпатиям участ-

Ф. П. Львова: «14 мая послано в Москву» (см.: *Львов Ф. П.* 1. Объяснение на оду <Державина> «Бог»; 2. Стихотворение «К лире»: Черновой вариант с поправками Н. А. Львова и Державина // РНБ. Ф. 124 (Собр. П. Л. Вакселя). Ед. хр. 2593). Стихотворение Ф. П. Львова было опубликовано в «Московском журнале» с благожелательными примечаниями Карамзина (1792. Ч. 6. Кн. 3. Июнь. С. 227–234).

⁷⁸ Значительный интерес для понимания места Бакунина в кружке представляют поправки Капниста к его стихам (см.: *Коплан Б. И.* Из литературных исканий конца XVIII — начала XIX в. (А. М. Бакунин и В. В. Капнист) // Материалы Общества по изучению Тверского края. 1928. Вып. 6. С. 27–46).

⁷⁹ Раут: исторический и литературный сборник. М., 1854. Кн. 3. С. 145. Ср.: I: 495, 541 и далее.

⁸⁰ Неплохо документирована лишь позднейшая дружба Муравьева-Апостола с Державиным (см.: VI: 296–298) и В. В. Капнистом (см.: *Громова Т. Н.* Литературные взаимоотношения И. М. Муравьева-Апостола и В. В. Капниста // Русская литература. 1974. № 1. С. 110–115).

⁸¹ Его ученая и служебная деятельность подробно описана в книге: *Раскин Н. М.* А. А. Мусин-Пушкин — вице-президент Берг-коллегии, химик и минералог, 1760–1805. Л., 1981. К сожалению, в этой в высшей степени основательной монографии актерские и поэтические увлечения А. А. Мусина-Пушкина даже не упомянуты. О них см.: *Лаппо-Данилевский К. Ю.* Литературные досуги графа А. А. Мусина-Пушкина // Дар дружества и муз: Сб. статей в честь Н. Д. Кочетковой. СПб., 2018. С. 194–213.

⁸² Об этом Дмитриев писал в воспоминаниях: «Н. А. и Ф. П. Львовы составляли почти ежедневное общество Державина. Здесь же познакомился я с Василием Васильевичем Капнистом. Он по несколько месяцев проживал в Петербурге, приезжав из Малороссии, его отчизны, и веселым остроумием, вопреки меланхолическому тону

ников кружка к Карамзину,⁸³ а также появлению их сочинений в его изданиях и, прежде всего, в «Московском журнале» в 1791–1792 гг.⁸⁴ Позднее под наблюдением Карамзина в Москве печаталась первая часть «Сочинений Державина» (1798).

Карамзин, со своей стороны, в высшей степени дорожил мнением державинского окружения;⁸⁵ ему было далеко небезразлично, какую

стихов своих, оживлял нашу беседу» (см.: *Дмитриев И. И.* Взгляд на мою жизнь. М., 1866. С. 61; также с. 57). Ср. аналогичное указание племянника И. И. Дмитриева, сделанное со слов дяди: *Дмитриев М. А.* Мелочи из запаса моей памяти. М., 1869. С. 37. Несколько дальше шел Вяземский в ранней версии предисловия к шестому изданию «Стихотворений» И. И. Дмитриева 1823 г. (этот пассаж в свое время не был опубликован): «Львов (Н. А. — К. Л.-Д.), оставивший несколько приятных стихотворений, был один из ободрителей возникающего его дарования. В этом отборном обществе прочел он первый опыт свой в переводе басен Лафонтена, и предсказали ему блестящие успехи в этом роде» (см.: *Гиллельсон М. И.* П. А. Вяземский: жизнь и творчество. Л., 1969. С. 88; ср. цитату из другого списка предисловия в статье: *Кочеткова Н. Д.* «Русский Лафонтен» (к литературной репутации Дмитриева) // Иван Иванович Дмитриев (1760–1837). Жизнь. Творчество. Круг общения / Ред.: А. А. Костин, Н. Д. Кочеткова. СПб., 2010. С. 9).

⁸³ Знакомство Карамзина с Державиным (а вполне возможно и со Львовым) произошло осенью 1790 г., когда Карамзин приезжал в Петербург, чтобы заручиться здесь поддержкой для своих издательских планов (см.: *Погодин М. М.* Н. М. Карамзин по его сочинениям, письмам и отзывам современников. М., 1866. Т. 1. С. 168). Кружок Н. П. Николева занял враждебную позицию по отношению к Карамзину, на первый поэтический сборник которого «Мои безделки» (1794), браня «немецкого русака», откликнулся эпиграммой Н. М. Шатров.

⁸⁴ Так, например, в письме к Дмитриеву от 1 июня 1791 г. Карамзин просил передать благодарность Ф. П. Львову за «Стансы», будучи явно осведомлен и о поэтических занятиях его кузена: «К Гаврилу Романовичу писал; а тебя прошу поблагодарить от меня г. Львова за его стансы, и попросить его, чтобы он и вперед сообщал мне свои сочинения. Скажи, какой это Львов? — Стансы будут напечатаны в июле месяце» (см.: *Карамзин Н. М.* Письма к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866. С. 18–19; стихотворение Ф. П. Львова см.: *Московский журнал.* 1791. Ч. 3. Июль. С. 7–9). Явно о Н. А. Львове шла речь в письме от 17 сентября 1795 г. В нем Карамзин просил проинформировать петербургских литераторов о планах по изданию «Аонид» («...а ты мог бы в Петербурге сказать о том Гавр<иле> Романовичу, Львову, Козодавлеву и проч.» (см.: *Карамзин Н. М.* Письма к И. И. Дмитриеву... С. 61), ибо именно ему передавались слова благодарности в письме от 4 июня 1796 г. за стихи, предоставленные для публикации в первой книге «Аонид»: «Поблагодари от меня Николая Александровича Львова; его пиесы уже напечатаны» (см.: Там же. С. 67)).

⁸⁵ Основные свидетельства, документирующие взаимоотношения Державина и Карамзина, приведены в публикации: *Морозова Н. П.* Г. Р. Державин и Н. М. Карамзин:

позицию занимают эти литераторы по отношению к его собственным недругам. Так, обнаружив в перечне подписчиков «Санкт-Петербургского Меркурия» знакомые имена, он 2 июня 1793 г. не без некоторого волнения писал Дмитриеву:

Да скажи еще, к *какому сорту* читателей Клушина принадлежат Державин, Львовы, Козодавлев, Капнист? Может быть, я оскорбляю их сим вопросом, но ты не донесешь на меня. Впрочем, в свете бывает много странностей, — поверишь ли ты, например, что Николев до небес превозносит «Меркурия», удивляется знаниям и чувствам Клушина (с которым он недавно познакомился) и говорит, что приключение несчастного М-ва гораздо лучше Вертера? Поверишь ли, что Горчаков с ним соглашается? Но старик Херасков и Нелединской крайне сожалеют, что у нас на Руси можно *impunément* писать такие нелепости.⁸⁶

Из петербургских журналов, в которых печатались участники львовско-державинского кружка, следует также назвать журнал И. И. Мартынова «Муза» (1796). Знакомство со Львовым этого молодого литератора из духовного звания состоялось, видимо, через Евгения Булгариса, в связи с подготовкой «Стихотворения Анакреона Тийского» (1794).⁸⁷ Именно Львов, по всей видимости, способствовал помещению в первом журнале начинающего издателя произведений своих друзей, именитых в литературном мире. Особого внимания заслуживает и литературная мистификация Львова, поместившего в журнале «Муза» не только одно из своих произведений, но и два стихотворения А. М. Бакунина — без ведома автора, в сопровождении собственного краткого предисловия и под псевдонимом «Александр Слепецкой».⁸⁸ Тем самым Львов привнес на страницы «Музы» атмосферу домашности, дружеского эзотеризма, внятного лишь участникам львовско-державинского кружка и их родственного окружения.

В первой половине 1790-х гг. в творчестве и Державина, и Львова, и Капниста происходит важнейший тематический сдвиг — а именно обращение к анакреонтике, хотя и Гораций, их прежний кумир, продолжает сохранять для них свое значение. В стихотворениях Анакреонта

Материалы к истории литературных отношений // Г. Р. Державин и его время. СПб., 2008. Вып. 4. С. 73–100.

⁸⁶ Карамзин Н. М. Письма к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866. С. 37.

⁸⁷ Ср.: Мартынов И. И. Записки // Заря. 1871. № 6. Приложения. С. 90, 93, 96.

⁸⁸ Лаппо-Данилевский К. Ю. Поэт Александр Слепецкой: Литературная мистификация в журнале «Муза» (1796) // Литературный факт. 2017. № 3. С. 201–214.

(на деле же это по большей части были произведения его эллинистических подражателей, ему тогда приписывавшиеся) участники кружка видели запечатленными важнейшие черты античного мироощущения. Легкомыслие произведений Анакреонта лишь кажущееся, их изящество — важнейшая школа вкуса, они облагораживают души читателей. Этот взгляд на поэзию наиболее развернуто выражен в предисловии Львова к «Стихотворению Анакреонта Тийского», комментированному переводу корпуса античной анакреонтики на русский язык, им подготовленному.⁸⁹

Державин и Капнист не только приветствовали стихами выход «Стихотворения Анакреонта Тийского» из печати, но и оставили убедительные свидетельства художественного воздействия книги Львова на их творчество. Так, создавая «Анакреонтические песни»,⁹⁰ Державин опирался главным образом на львовские переводы и со свойственной ему смелостью продолжил русификацию Анакреонта, Львовым лишь намеченную. Исследователи не без оснований говорят о важных импульсах, данных «Стихотворением Анакреонта Тийского» и анакреонтике Капниста, и его подражаниям Горацию.⁹¹

Помимо продолжающихся дружеских обсуждений и сотрудничества с периодическими печатными органами, стоит указать и на новую сферу деятельности кружка в 1790-е гг. Это подготовка иллюстрированных книг, при которой в полной мере проявилось стремление друзей к литературно-художественному синтезу, к единству между изобразительными и текстуальными компонентами. В это время совместными силами готовятся к публикации «Басни и сказки И. И. Хемницера» (1799. Ч. 1–3)⁹² и «Стихотворения Державина» (работа не была завершена).

⁸⁹ Стихотворение Анакреонта Тийского / Перевел **** [Н. А. Львов]. СПб., 1794 (в действительности книга вышла в свет в 1795 г.).

⁹⁰ Державин не был доволен первым отдельным изданием «Анакреонтических песней» (СПб., 1804); с дополнениями, но без нарушения общей композиции книги она была перепечатана в третьей части его «Сочинений» (СПб., 1808).

⁹¹ См. раздел оды «Горациянские и анакреонтические» в кн.: Лирические сочинения Василия Капниста. СПб., 1806. С. 165–212.

⁹² Инициатором посмертного, наиболее полного собрания басен, был Львов: в принадлежавшем ему экземпляре книги 1779 г. им был набросан проект титульного листа для нового издания с датой «1793» (см.: *Хемницер И. И.* Полное собрание стихотворений. С. 297).

Первое из этих изданий содержит целый ряд сигналов, свидетельствующих о его кружковом происхождении. Так, на с. 42 третьей части помещена концовка с изображением урны; здесь над инициалом баснописца расположены литеры, «выдающие» участников издания «Д. Л. К. О.» (т. е. Державин, Львов, Капнист, Оленин) и указывающие на продуманное распределение усилий между ними. Монограммой А. Н. Оленина снабжено большинство гравюр, выполненных им в технике лависа двумя тонами (темно-желтым и черным). Близкое знакомство с умершим выдает вступительная статья «Жизнь сочинителя», написанная, впрочем, не Львовым, как полагают составители «Сводного каталога русской книги гражданской печати XVIII века»), а Капнистом.⁹³ Заключить об этом можно из анекдотов о Хемницере, опубликованных Гротом еще в 1873 г.; Львов сообщил их работавшему над статьей Капнисту в ответ на его запрос.⁹⁴ Первой женой Державина была, по всей видимости, выполнена заставка с силуэтом Хемницера перед текстом «Жизни сочинителя».⁹⁵ Из-за болезни глаз Львов устранился от работы над текстами книги и ее составом, которую взял на себя Капнист (он изменил расположение басен, по неясным причинам отказался от перепечатки пяти из них, по своему усмотрению правил стихи Хемницера).⁹⁶ В издании 1799 г. был сохранен и раздел «чужих», т. е. львовских, басен, данных в новой редакции. По первоначальному замыслу в книгу, кажется, должно было войти четверостишие Державина «К силуэту И. И. Хемницера», поясняющее аллегорический фронтиспис.⁹⁷

Идея создания иллюстрированного издания стихов Державина датируется обычно 1792 г., когда началась подготовка так называемого

⁹³ Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. 1725–1800. М., 1966. Т. 3. С. 329–330. № 7958.

⁹⁴ [Хемницер И. И.] Сочинения и письма Хемницера по подлинным его рукописям / С биограф. статьей и примеч. Я. Грота. СПб., 1873. С. 40–42.

⁹⁵ Ср.: V, 607. Известен сходный силуэт Державина 1786 г., хранящийся в Литературном музее ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН. На его обороте находится стихотворный экспромт Львова (см.: А. С. Пушкин и его современники в портретах: Музей Пушкинского Дома. СПб., 1999. С. 367).

⁹⁶ [Львов Н. А.] Заметки Львова для биографии Хемницера // [Хемницер И. И.] Сочинения и письма Хемницера по подлинным его рукописям / С биограф. статьей и примеч. Я. Грота. СПб., 1873. С. 42.

⁹⁷ «Эзоп лампадой освещал, / А Басня кистью тень с Истины снимала; / Лицом Хемницера внезапно тень та стала, / Котору в баснях он столь живо описал» (III, 492).

«екатерининского» тома с рисунками А. Н. Оленина в красном кожаном переплете, поднесенного Екатерине II в ноябре 1795 г.⁹⁸ Думается, в связи с работой над этим так и не опубликованным томом, а также в связи с позднейшим замыслом расширенного аналогичного издания в трех томах активно сочинялись программы иллюстраций, задумывались комментарии. Об этом свидетельствует значительное количество материалов, хранящихся в Рукописном отделе Пушкинского Дома.⁹⁹ Если в 1790-е гг. работа велась главным образом Державиным, Львовым, Капнистом и Олениным, то в 1800-е гг. к сочинению и исполнению заставок и концовок были привлечены также художники А. Е. Егоров и И. А. Иванов. Итогом этих совместных усилий стали три рукописных тома «Сочинений Державина» в зеленых переплетах; их формирование завершилось около 1805 г.¹⁰⁰ Важные предварительные замечания о текстологии программ и набросков комментариев к стихам Львова сделаны в статье Е. Н. Петровой об иллюстрациях к анакреонтике Державина. Исследовательница подчеркивала, что Львов более подробен в своих замечаниях, что он «не ограничивался только описанием или „расшифровкой“ символов и аллегорий», но видел свои задачи более широко: «Именно львовские тексты по-настоящему программны. Помимо пояснений изображений, они рассчитаны на внушение читателю определенных идей просветительского характера».¹⁰¹

Исследователи сходятся во мнении, что небольшой трактат Львова «Значение чертежей на заглавных листах и при окончании каждой поэмы», приписанный Гротом некогда А. Н. Оленину,¹⁰² следует рассматривать как манифест иллюстраторской деятельности участников кружка. Подчеркивая, что изограф «не повторяет автора», Львов, предпочитавший иносказательные изображения, указывает на их функцию: художник призван «домолвить карандашом то, что словами стихотворец не мог

⁹⁸ Державин Г. Р. Сочинения // РНБ. Ф. 550 (ОСРК). F.XIV.16.

⁹⁹ РО ИРЛИ. № 6963–6968.

¹⁰⁰ О размахе предприятия можно заключить по подготовленным трем частям «Рукописных стихотворений Державина с рисунками» (РО ИРЛИ. Ф. 96. Оп. 1. Ед. хр. 1–3).

¹⁰¹ Петрова Е. Н. Иллюстрации к анакреонтике Г. Р. Державина. Замысел и история создания // Державин Г. Р. Анакреонтические песни / Изд. подгот. Г. П. Макогоненко, Г. Н. Ионин, Е. Н. Петрова. М., 1987. С. 388 (Сер.: Лит. памятники).

¹⁰² С рядом неточностей текст опубликован Гротом: I, XXX–XXXI. Наиболее тщательное воспроизведение текста: Петрова Е. Н. Иллюстрации к анакреонтике Г. Р. Державина... С. 388–389.

или не хотел сказать», оставляя иногда тонкий смысл или таинственное значение на собственное проницание читателя». ¹⁰³ Поэт, по мнению Львова, обращается к воображению, а рисовальщик — к зрению, что предполагает в случае иллюстрирования напряжение между вербальными и визуальными элементами и их комплексное воздействие на читателя. Хотя при жизни Державина иллюстрированное издание его лирики, задуманное участниками кружка, не было осуществлено, этот замысел во многом определил позднейшую рецепцию его поэзии. Как известно, Грот использовал созданный в 1790-х — начале 1800-х гг. иллюстративный ряд в «Сочинениях Державина». Издательские опыты по его аутентичному воспроизведению продолжаются. ¹⁰⁴

В заключение отмечу, что интеллектуальная и творческая жизнь львовско-державинского кружка была тесно переплетена с деятельностью *салонов*, существовавших в домах Державина и Львова, а позднее и Оленина. ¹⁰⁵ Эти салоны, о жизни которых из-за скудости материалов, ее документирующих, трудно составить полное представление, были, помимо прочего, и важным местом репрезентации отдельных результатов деятельности кружка, находивших здесь родственно-дружеский прием. Здесь, конечно же, можно было рассчитывать и на благодарную аудиторию для литературных сочинений, и для результатов новаторской издательской деятельности, запечатлевшей *стремление к вербально-визуальному синтезу*, а также и для произведений, воплотивших *тенденцию и к синтезу вербально-музыкальному*, выразивше-

¹⁰³ Петрова Е. Н. Иллюстрации к анакреонтике Г. Р. Державина... С. 388.

¹⁰⁴ Помимо упомянутого издания «Анакреонтических песен» в серии «Литературные памятники», укажу следующую книгу, подготовленную А. А. Левицким, в которой также воспроизводятся иллюстрации из трехтомных рукописных «Сочинений Державина»: *Derzhavin G. R. Poetic Works: A Bilingual Album* / Ed. with Introduction and Commentary by Alexander Levitsky. Providence, 2001.

¹⁰⁵ Из трех упомянутых выше салонов наиболее изучен салон А. Н. Оленина, которому уже в книге в книге Аронсона и Рейсера посвящено немало страниц (см.: *Аронсон М., Рейсер С.* Литературные кружки и салоны. Л., 1929. С. 273–275 et passim). К слову сказать, львовско-державинский кружок в этом справочнике не упомянут. На с. 43–44 в нем, правда, речь ведется о салоне Державина, основным источником сведений о посетителях которого служат мемуары И. И. Дмитриева «Взгляд на мою жизнь» (М., 1866); но в завершающем издании «Списке литературных объединений» он не указан, зато здесь находим «Салон Н. А. Львова» 1790-х гг., о котором какая-либо информация в основной части книги отсутствует.

муся в сотрудничестве с рядом композиторов по созданию песен и комических опер.

И наконец, в связи с большим числом лиц, вовлеченных в орбиту деятельности *львовско-державинского кружка*, имеет, на мой взгляд, смысл употребление еще одного термина — *львовско-державинское содружество*. К нему, помимо собственно литераторов, принадлежали мастера иных, несловесных искусств или же попросту творческие личности, в сотрудничество с которыми в разное время вступали участники собственно литературного кружка — композиторы Д. С. Бортнянский, И. Г. Прач, Дж. Сартти, Е. И. Фомин, Н. П. Яхонтов, исполнитель народных песен С. М. Митрофанов, художники Д. Г. Левицкий, В. Л. Боровиковский, позднее А. Е. Егоров и И. А. Иванов, архитектор А. Л. Менелас и др.

* * *

Подведем наконец некоторые итоги. Термин «львовско-державинский кружок» (как и его вариант «львовско-державинский литературный кружок»), частотно употребляемый в научной литературе, следует признать наиболее удачным из других обозначений этого писательского объединения. Два имени, задействованных в нем, удачно подчеркивают роль Львова как эстетического авторитета, теоретика и вдохновителя кружка, а Державина — как наиболее значительного поэта в нем. Вместе с Капнистом и Хемницером эти двое составляли ядро кружка, формирование которого завершилось весной 1779 г., когда в совместных читках и обсуждениях стихов стал принимать участие Державин.

Более тесное знакомство, связавшее четырех поэтов весной 1779 г. в знаменательный момент их вхождения в литературу, обнаружило, в первую очередь, близость их эстетических установок (впрочем, реализовавшихся в творчестве каждого из них весьма по-разному). В беседах на литературные темы, во время читок и взаимной правки стихов они оттачивали собственные произведения, обретая стиль и уверенность в своих силах. Дальнейший, в сущности, коллективный дебют, состоявшийся вскоре на страницах «Санкт-Петербургского вестника», еще более их сплотил и преисполнил чувством единства, которое неизменно ощутимо в позднейших высказываниях друг о друге и о незабываемой атмосфере поисков и обретений первых лет творческой

дружбы. Этот важный опыт стал залогом длительного творческого взаимодействия поэтов, которое не свели на нет ни отъезды из Петербурга (и порой весьма длительные), ни ранняя, безвременная кончина Хемницера в 1784 г. Лишь со смертью Львова 21 декабря 1803 г. кружок прекратил свое существование.

Рассмотрение по преимуществу «внешней» истории львовско-державинский кружка и его состава, предпринятое в данной статье, не может, на мой взгляд, не способствовать постижению аспектов «внутренних», т. е. более детальному дальнейшему изучению художественных поисков его участников и взаимовлияний. В то же время проделанная работа существенно уточняет и наше представление о значении львовско-державинского кружка для его современников, о его месте и специфике в ряду других русских литературных объединений конца XVIII — начала XIX в.